

- же памятнику, королева Хюгд заботилась о своем племени, щедро одаривая геатов (Beowulf, 641, 613, 1929–1931 // Anglo-Saxon poetic records / ed. E. V. K. Dobbie. Vol. 4. N. Y., 1953. P. 3–94).
- ³⁰ ... hi on friþe wunedon þurh
þære cwene þingunge þe him þa geheolp fram
deafre ahredde, þurh hire drihtnes fultum þe heo on
gelyfde on Abrahames wisan. Ða Iudeiscan eac
wundorlice blissodon, þæt hi swilcne forespræcan him
afunden hæfdon, heoldon þa Godes æ þæs þe
glædlicor æfter Moyses wissunge þæs mæran heretogan.
(Be Hester, 263–269)
- ³¹ ... se cyning weað
gerihtlæht þurh þære cwene geleafan Gode to
wurðmynte þe ealle þing gewylt, he herode God þe
hine geuferode to cyninge geceas ofer swilcne
anweald. he wæs rihtwis, rædfæst on weorcum
...
(Be Hester, 272–277)
- ³² Hester, XVI, 15–16.
- ³³ См., напр.: *Isidore. Allegoriae quedam sacrae scripturae* // PL 83, col. 116; *Hrabanus Maurus. De Universo* // PL 111, col. 66. И хотя в проповеди эта символика отсутствует, Элфрик наверняка был с нею знаком. В одном из его ранних сочинений с христианской церковью сравнивается Савская царица, пришедшая к Соломону (In dedicatione ecclesiae // *ÆCH. 2nd series*. P. 340 – 341).
- ³⁴ Беда Почтенный сообщает, что женой кентского короля Этельберта (591–616), первого англосаксонского правителя, принявшего христианство, была франкская принцесса Берта. По брачному соглашению христианке Берте гарантировалось беспрепятственное исповедание ее религии (*Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis anglorum. I, 25* // *Bede's ecclesiastical history of the English people* / eds. B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford, 1969. P. 72–75). Похожие события предвляли крещение Пеады Мерсийского (656–658) и нортумбрийского короля Эдвина Святого (616–633), взявшего в жены дочь Этельберта кентскую принцессу Этельбургу (Ibid. II, 9; III, 21. P. 162, 278).
- ³⁵ Wel we magon gedencan hu wel hit ferde midus
þaða þis igland wæs wunigende on sibbe
and munuc-lif wæron mid wurð-scipe gehealdene
and ða woruld-menn wæron wære wið heora fynd
swa þæt ure word sprang wide geond þas eorðan
Hu wæs hit ða siððan ða þa man towearp munuc-lif
and godes biggengas to bysmore hæfde
buton þæt us com to cwealm and hunger
and siððan hæðen here us hæfde to bysmre.
(De oratione Moysi, 147–155 // *ÆLS. Vol. 1* P. 194)
- ³⁶ The Anglo-Saxon Chronicle, aa. 980–982, 988, 991–994, etc // *English historical documents* / ed. D. Whitelock., L., 1955. Vol. 1. P. 211–218. (Далее – ASC с указанием года).
- ³⁷ The Old English Heptateuch. P. 49 – 50.
- ³⁸ De oratione Moysi. In medio quadragesime // *ÆLS. Vol. 1*. P. 282 – 307.
- ³⁹ Ibid. 1–29. P. 282–285.
- ⁴⁰ *Godden M. Apocalypse and invasion in late Anglo-Saxon England* // *From Anglo-Saxon to early Middle English: Studies presented to E. G. Stanley* / eds. M. Godden, D. Grey. Oxford, 1994. P. 133.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² См.: *Item alia. Qui sunt oratores, laboratores, bellatores* // *ÆLS. Vol. 2*. P. 120 – 125.
- ⁴³ Be þisum we magon tocnawen þæt we cristene sceolon
on ælcere earfoðnisse æfre to gode clypian.
and his fultumes biddan mid fullum geleafan.
...
Ælc rihtwis man hæfde swa swa we rædað on bocum
fultum and hreddinge. seðe mid fullum geleafan
on his earfoðnyssum to ðam ælmihtigan clypode.
(De oratione Moysi, 30 – 32, 47–49. P. 284–287).
- ⁴⁴ Be Hester, 143–147.
- ⁴⁵ orate pro me (Hester, IV, 16).
- ⁴⁶ ASC, a. 1013.
- ⁴⁷ Ibid. a. 1002.
- ⁴⁸ Например, Рабан Мавр, рассуждая о союзе Эсфири и Артаксеркса, использует термин «consortium» и параллельно отмечает, что Артаксеркс удалил свою прежнюю жену от «совместного правления»: «*Repulsa igitur Judaea [Vasti] a consortio regni*» (*Hrabanus Maurus. Expositio in librum Judith. Col. 657*).
- ⁴⁹ См. об этом подробнее: *Klein S. S. Ruling women: queenship and gender in Anglo-Saxon literature. Notre Dame, 2006. P. 169–171.*

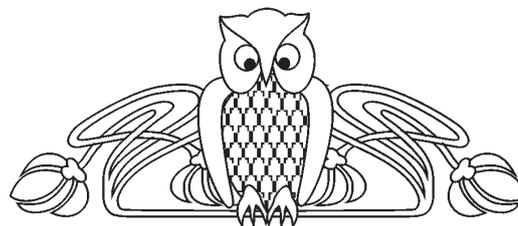
УДК1(410)(091)+929Бэкон

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ ФРЭНСИСА БЭКОНА

В. В. Феллер

Саратовский государственный университет
E-mail: feller-vv@mail.ru

В статье рассмотрена интерпретация Ф. Бэконом библейского мифа о шести днях творения. Его толкование показывает ограниченность идеи интеллектуального прогресса, а также, что уже «четвертый день» завершает построение системы абстрактного разума. «Пятый день» возвращает человека к эстетическому освоению мира, а «ше-

стой день» открывает в историческом опыте тайну родовой судьбы человечества. Именно на этой основе последователи Бэкона разрабатывали проблему всеобщей истории духа.

Ключевые слова: немецкий историзм, Бэкон, всеобщая история, Модерн.

The Bacon's Metaphysical Historism

V. V. Feller

The Bacon's interpretation of the Six Days of Creation myth is considered in this article. It shows the limitation of the knowledge-based progress idea. The Bacon's interpretation testifies that it is on «the fourth day» when the abstract reason framework is completed. «The fifth day» brings humans back to the aesthetic world perception while «the sixth day» unfolds the secret of human race destiny in historical experience. According to this principle universal history of Spirit was developed by Bacon adherents.

Key words: Historicism, Francis Bacon, universal history, Modern.

В отличие от Ф. Мейнеке, который обнаружил источник возникновения немецкого историзма и одновременно точку схождения основных интеллектуальных процессов Модерна в неоплатонизме Лейбница, Шефтсбери и Вико¹, мы предлагаем углубиться в историю Нового времени еще на столетие и обнаружить этот источник в учении Фрэнсиса Бэкона. Исследование бэконовского «Разделения наук» имеет внутреннюю структуру, происхождение которой не вызывает сомнений. Эта структура является результатом глубокой интерпретации первого из библейских мифов – о шестодневе.

В утопии о Новой Атлантиде Ф. Бэкон повествует о большом островном государстве, управляемом тайным орденом ученых. Он назвал этот орден Домом Соломона. Древнее же название Дома – Коллегия шести дней творения². Уже из этого замечания и предложенной в «Великом восстановлении наук» классификации знания (в плане «Разделения наук») можно сделать предположение о ключевом характере морфемы «шести дней творения» для метафизики истории великого английского мыслителя.

План «Разделения» состоит из шести частей. Он включает в себя: «Первоначальное Разделение наук», «Новый Органон или Указания по истолкованию природы», «Естественную историю для основания философии», «Лестницу разума», «Предвестия второй философии» и, наконец, «Вторую философию или Действенную науку»³. «Первоначальное Разделение наук» он предполагает необходимо предваряющим все последующие опыты, которые исходят из практических целей той или иной эпохи. Первая эпоха в интеллектуальном развитии человечества была всецело посвящена светоносному опыту обретения знания о структуре разума и структуре наук. Согласно философу, первоначально следует стремиться не к плодоносным (практическим как таковым), а к светоносным (дающим знание о действительности) опытам. Для этого при разделении наук необходимо последовать «божественному порядку, который в первый день создал только свет и на это уделил полностью один день, не производя в этот день никаких материальных творений, но обратившись к ним лишь в последующие дни»⁴.

Согласно Бэкону, само по себе исходное разделение наук является историческим – разделяющим основные этапы развития научного разума в соответствии с членением исторического развития на «шесть дней». Библейское толкование позволяет ему избежать философских ловушек, скрывающихся, например, в дедукции идеи прогресса. В указании, направленном на понимание «пятого шага», он говорит о «разбитой в дороге палатке, в которой ум, устремляясь к более верному, мог бы немного передохнуть»⁵, что, как кажется, противоречит основной, то есть «прогрессивистской», установке его философии на всемерное овладение истиной и научное освоение мира. Библейское толкование показывает, что уже «четвертый шаг» завершает построение «лестницы разума» с вершиной в системе абстрактных истин об устройстве внешней природы (*natura naturans*), а затем этот разум должен «расслабиться», поглотиться опытом спонтанности человеческой жизни и истории человечества, чтобы «поверить алгебру гармонией». Говоря же о «шестом шаге», Бэкон указывает на то, что его «завершение даст судьба человеческого рода, причем такое, какое, пожалуй, людям, при нынешнем положении вещей и умов, нелегко постигнуть и измерить умом»⁶.

Завершая предваряющее толкование «четвертого шага», не отделенного философом от толкования «третьего шага», который требует своего полного раскрытия в «четвертом», он формулирует основную задачу именно современной науки и современной культуры. Современность характеризуется Бэконом как укрепившая разум «самыми надежными средствами помощи и поддержки», как произведшая строгий отбор «правильного строя божественных дел». Поэтому уже наша всемирная эпоха должна завершить великое исследование в соответствии с этими «средствами разума» и «строим божественных дел», из которых и создается «лестница разума». При этом «божественные дела» упорядочены в истории бедоносного христианского монотеизма. «Средства разума» же, видимо, появляются в руках человека уже в завершающей фазе «третьего шага», когда в античной культуре формировались сами основания системной философии и науки. Затем, по ходу «четвертого шага», они совершенствуются, собственно и формируя институты Науки и Техники.

Сначала подымаясь, а затем спускаясь по «лестнице разума», мы найдем «настоящие типы и образцы», в свою очередь, способные «поставить как бы перед глазами все движение мысли и весь непрерывный ход и порядок открытия». Таким образом, считает философ, мы подготовим закономерный переход к «пятому шагу», обратив Истолкование природы в противоположную сторону от общего и универсального, т. е. ориентируя его на особенное, исторически индивидуальное. Из этого следует, что актуальной задачей столетий, завершающих мировую эпоху, соответствующую «четвертому шагу», становится типизация знания

и познания, определение «постоянного и возвращающегося» в природе. Это и есть натурализм как суть и цель философского развития Нового времени, превращающего «средства разума» в эффективный инструмент преобразования природы и общества.

В данных определениях-именах – сама сущность «исторического задания» для каждой из эпох, включенных в «генеральную последовательность». На этой основе Бэкон предлагает создать историю генезиса духа, в которой открывается ограниченность и историческое место основных типов самосознания человечества в границах каждой из «мировых эпох». Вводное толкование он завершает молитвой, обращенной к Творцу⁷. А в заключительном толковании он говорит о завершении философии человека как учения о «естественном свете». Это вершина созерцающей философии, которой увенчивается четвертая эпоха творения разума – та, в которой и пребывает современное человечество⁸.

Философ высказывает надежду на скорое (видимо, уже в начале пятой «всемирной эпохи») появление истолкования Писания, в котором бы приоткрылись «две вещи, сокрытые от человеческого ума: тайны помыслов и бег времени». Он мечтает о таком толковании библейского слова, которое «подобно тому, как вино, легко выдавливаемое при первом мягком отжиме ногами, слаще того, которое выходит из-под пресса, поскольку последнее всегда имеет привкус кожуры и косточек винограда, точно так же наиболее целительны и приятны те учения, которые свободно вытекают из Св. Писания, а не стремятся раздуть противоречия, споры или прибегать к общим местам»⁹.

Ф. Бэкон определил крайнюю необходимость для предстоящих веков исторического и систематического переосмысления тех плодов развития знания, какие собраны четырьмя первыми мировыми эпохами всеобщего развития человечества. Он сам «приложил руку» как к современному переосмыслению «Разделения наук», так и к созданию «Нового Органона», и к более глубокому пониманию «Естественной истории для основания философии». Но свое высшее назначение он видел в подготовке собственного, оригинального деяния христианской истории к ее завершающей фазе, позже получившей название эпохи Нового времени. В этой фазе необходимо закончить строительство «Лестницы разума» и, по мере возможности, подготовить сознание человека к приятной пятой «мировой эпохи», во времени которой, свободной игрою всех сил и сторон человека, будут сформированы «Предвестия второй философии». Отсюда двойственность бэконовской антропологии, с одной стороны, формирующей ограниченного в своей рассудочности «рационального человека» как строителя «Лестницы разума», сейчас уже больше напоминающей Вавилонскую башню, а с другой – ориентирующей на грядущее общее «рас-

слабление» и новое собирание человека – теперь уже в его божественной полноте.

Дж. Вико воспринял основание бэконовской антропологии и ее двойственную задачу, поставленную как основную задачу Нового времени (Модерна), не только завершающего «четвертый шаг», но и предуготовляющего к началу «пятого шага». Видимо, для него также «совершенно очевидно, что среди всех сочинений, созданных людьми, ничто не встречается реже, чем истинная, совершенная во всех отношениях история»¹⁰. Достоинство немецкого «романтического» историзма тоже основано на том, что он был последователен в решении этой широкой задачи¹¹. Он осмысливал светоносные опыты, не «размениваясь на мелочи» плодоносных опытов. Он был плоть от плоти философии Просвещения, как высшей точки мысли Модерна, но он видел свою и своего времени плоть на позвоночном столбе истории христианства – в преддверии нового мира, призванного восстановить человека в его божественной полноте. Поэтому, с нашей точки зрения, немецкий историзм объективно стал одним из наиболее последовательных исполнителей интеллектуальной программы Ф. Бэкона.

Но немецкий романтический историзм, в отличие от своего визави, неверно решил метафизическую проблему всеобщей истории человечества. Отказавшись от шестичленной (шестодневной) периодизации всеобщей истории, немецкий романтический историзм уже в лице И. И. Винкельмана, Ф. Шиллера и И. Г. Фихте принял пятичленную схему периодизации. Однако эстетически предположенная Винкельманом, психологически обоснованная Шиллером и философски фундированная Фихте пятичленная схема исторической периодизации оказалась весьма зыбким основанием для размышлений о структуре исторического процесса, ранее посредством библейского догмата отсылавшего философствующего историка к мифологической сопричастности родовой судьбе всего человечества.

Согласно онтологическому положению, утвердившемуся еще в ренессансной культуре, «начальной причиной» исторического развития стали считать противостояние логических принципов якобы «косной» общины и прозревающего, а потому якобы «динамичного», индивида. Следствием же неверного метафизического выбора и искаженности онтологического основания стала уже не просто прогрессирующая, но галопирующая секуляризация сознания и культуры в XIX–XX вв., сопровождаемая распадом наций и обществ на индивидов, а самих индивидов – на «рефлексы» и «комплексы». По этой логике «косная» община формировала незрячую «общую волю». «Динамичный» же индивид из «разрозненных ощущений» формировал зрячую, хотя и частную, «волю всех». Затем, встретившись с угрожающей самому его существованию «проблемой отчуждения», индивид будто бы устремляется к примирению

частной и общей «логик» и «воль». На нисходящей для его автономии, но восходящей для его мудрости ветви всеобщей истории индивид стремится к тому, чтобы в конце Истории вновь обрести «утраченный рай». Но помещает он этот «рай» не в потерявшую божественную гармонию «физическую» природу, а в приобретающую эстетическую гармоничность «культуру». В такой постановке проблемы деятельный индивид и после достижения «гармонии» остается единственным субъектом истории, противостоящим якобы «стихийным» природным и социальным силам. Он принципиально не нуждается в понимании и «беседе» с общинными индивидуальностями. Последнее же возможно для него только на путях сознания, герменевтически открытого религиозному догмату и священному мифу, в соизмерении опыта культуры с опытом культа.

Таким образом, отчасти косвенное, отчасти прямое влияние метафизики истории Ф. Бэкона на становление немецкого романтического историзма заключалось, прежде всего, в его интерпретации мифа о шестодневе. Этой интерпретацией в «Разделении наук» Ф. Бэкон дал сильный импульс развитию европейского, прежде всего английского и немецкого, исторического самосознания через осмысление опыта наступившей эпохи Нового времени. В свою очередь, в ней осмыслена «программа» дальнейшего развития потенций наступившей эпохи и всей истории человечества, так как каждому дню творения здесь соответствует *определенный этап развития разума и свой тип духовности*. На этой основе действительно возможно было создать подлинную всеобщую историю генезиса духа, который открывает историческое место основных его типов. Но последующее развитие философско-исторической мысли на пути французского картезианства, английского эмпиризма и немецкого идеализма привело к искажению, а затем и забвению этого ключевого метафизического учения великого английского философа. Поэтому последующая деградация метафизической сферы исторического разума стала закономерным следствием метафизической ограниченности «задания» эпохи Модерна в самом «строе божественных дел». Но Бэкон предвидел этот тупик. Он же провидел выход из этого тупика в сравнительно скором (по завершении эпохи Модерна) появлении нового свободного (вот еще одно измерение человеческой свободы!) истолкования Писания, в котором бы приоткрылись «две вещи, сокрытые от человеческого ума: тайны помыслов и бег времени».

Примечания

- ¹ Вывод, который делает Ф. Мейнеке из рассмотрения и сравнения трех предшественников немецкого историзма, заключается в том, что Шефтсбери и Лейбниц приблизились к идее индивидуальности, «но на пути к идее развития они остались в плену идеи совершенства». Вико же «с католическим и отмеченным воздействием барокко способом восприятия» раскрыл сущность идеи развития, а не идеи индивидуальности. Вследствие этого «и развитие сузилось до развертывания, но затем резко углубилось благодаря идее возрождения, а также осмысленности и особой ценности каждой ступени развития...» (Мейнеке Ф. Возникновение историзма : пер. с нем. М., 2004. С. 55–56).
- ² См.: Бэкон Ф. Новая Атлантида // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 500.
- ³ См.: Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : пер. с англ. М., 1977. С. 68–69.
- ⁴ Там же. С. 64.
- ⁵ Там же. С. 79.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 79–80.
- ⁸ См.: Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : пер. с англ. М., 1977. С. 511–512.
- ⁹ Там же. С. 519–521. Именно в этом он видит задачу «пятого шага». В истолковании «предвестий Второй философии» Разум избавляется от ослепляющей его самоуверенности и начинает воспринимать то, что «нам встречается по дороге». (Бэкон Ф. Великое восстановление наук. С. 78).
- ¹⁰ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. С. 160–161.
- ¹¹ В понимании «духа времени» и исходящей из этого понимания периодизации всеобщей истории Ф. Бэкон, считает М. А. Барг, «явным образом опережал развитие исторической мысли по крайней мере на два столетия; ибо только на рубеже XVIII–XIX вв. мы сталкиваемся с теми же – в общем и целом – требованиями, составляющими вклад историков-романтиков в поступательное движение историзма». См.: Барг М. А. Историзм Фрэнсиса Бэкона // Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. М., 1990. С. 227. М. А. Барг видит особую заслугу Ф. Бэкона в генезисе современного понимания исторической периодизации всеобщей истории, а также отмечает, что «в целом значение категории времени в системе воззрений Бэкона очень велико. Можно только удивляться, что до сих пор данная проблема не стала предметом специального исследования». (Там же. С. 228).